

Х. Буйный турок: мавританский пират в старом Нью-Йорке

Послесловие ко второму изданию

“ Памяти Кристофера Хилла

Несколько лет назад я пришёл в главное отделение Публичной библиотеки Нью-Йорка в поисках книги, которая бы поведала мне всё о «пиратских утопиях», пиратских поселениях на суше. Я не сумел обнаружить ни одну такую книгу. Насколько я понимаю, тогда такой просто не было. Получалось, что если я хочу прочитать её, то кто-то сначала должен её написать.

Оказалось, что в нью-йоркской Публичной библиотеке имеется множество книг о пиратстве, большинство из них (в то время) хранились в корпусе по 11-й авеню. Я лениво почитал кое-какие из них и собрал подчерпнутые из них сведения для лекции на эту же тему для анархистского форума (либертарного книжного клуба) старого Кружка Рабочих[43] в Нью-Йорке. Лекция была очень тепло встречена, однако никто из аудитории не принял мой вызов написать книгу о пиратских утопиях. Шли годы, я устал ждать и решил написать её сам.

Так я и сделал. В 1995 году издательство “Autono-media” её выпустило¹.

Некоторое время спустя я снова бродил по главному отделению библиотеки, когда вдруг какой-то незнакомый мне библиотекарь дотронулся до моего плеча и сказал: «А вы знаете, что один из ваших мавританских корсаров окончил свои дни в Новом Амстердаме и был одним из первых поселенцев в Бруклине? Его звали Энтони Янсен, вы найдёте информацию о нём в генеалогическом собрании Нью-Йорка – ведь он оставил так много потомков. Он был известен как “Буйный Турок”».

Нет, этого я не знал. Я изумился, как неизменно высоки знания библиотекарей в отделе НЙПБ на 42-й улице. И пообещал добавить главу к любому будущему переизданию

«Пиратских утопий». Вот она.

Энтони Янсен ван Сале (или ван Фес)² родился в марокканском Сале. Он был сыном Яна Янса (Мурат – реиса), выдающегося голландского ренегата, грабившего Исландию и Ирландию и служившего Великим Адмиралом корсарской республики Сале. У Мурат-реиса была голландская жена и дети, но он также женился на неизвестной по имени «мавританской принцессе» или «испанской девушке» после своего вероотступничества. Энтони явно был марокканским ребёнком Мурат-реиса, так как позднее в Новом Свете его называли мулатом. Энтони прибыл в голландскую колонию Новый Амстердам на острове Манхэттен за несколько лет до 1638 года, именно тогда его имя впервые оказалось упомянуто в записях.

Энтони родился где-то в первом десятилетии XVII века (поскольку утверждалось, что ему было «около семидесяти» в 1669 году, а умер он в 1676-м). Исходя из этого, Мурат-рейс должен был приехать или даже поселиться в Сале самое позднее до 1610 года. В “*Les Sources inedites de l’histoire du Maroc*”[44] под редакцией Кастри действительно упоминается пребывание Энтони в Сале в 1623–1624 годах, когда он уже был юношей. Поэтому когда он появился на Манхэттене, ему должно было быть около 30 лет или чуть больше³.

К 1638 году Энтони уже успел приобрести небольшую ферму на Манхэттене и жениться на Гритце Рейнере, бывшей служанке в трактире из Амстердама, весьма шумной и сварливой женщине. Сам же Энтони, должно быть, производил довольно пугающее впечатление, не столько в силу своей внешности, но потому, что он «был человеком великой силы... поразительного телосложения и мощи» (и даже о его потомках отзывались как о гигантах, славившихся своей силой) и явно вспыльчивым. По сути, его манеры и были пиратскими.

Эти новобрачные быстро попали на страницы судебных записей Нового Амстердама со своими буйствами. С 1638 по 1639 год они оказались участниками 15 из 93 дел, слушавшихся в судах, то есть более 10 % от общего числа преступлений. Голландцы старого Манхэттена (а их тогда там проживало около 2 000) тратили много своего времени на препирательства в суде, но Янсены выделялись даже на фоне такого несдержанного окружения. Недруги Энтони называли его негодяем и рогатым зверем, и в основном он был известен как «Буйный Турок» (то есть мусульманин).

Свой дебют в судебных разбирательствах Янсены ван Сале открыли делом, включавшим в себя неоплаченный долг Домину Богарду су, которого Гритце обвинила в клевете. А Энтони якобы высказался: «Если постановят, что Домин должен получить деньги немедленно, так мне лучше голову с плеч, чем платить ему таким образом, а коли он будет настаивать, так кровь прольётся».

Лизберт Диркс, повивальная бабка, привлечённая к судебному разбирательству для дачи показаний, засвидетельствовала, что она помогала Гритце при её последних родах. После них Гритце спросила Лизберт, кажется ли ей новорождённый больше похожим на некоего Андриеса Худдена (дворянина, члена городского Совета) или на Энтони, её мужа. Повитуха сухо отвечала: «Если ты не знаешь, кто отец, то как я могу знать? Однако же ребёнок

довольно смугловат».

Янсены проиграли это дело, а скоро снова влипли в неприятности. Энтони обвинили в клевете, а Гритце в публичной демонстрации ягодиц перед проходившими кораблями. Моряки кричали с палубы Гритце на берегу: «Шлюха, шлюха, жирная шлюха!» – и тогда «она приподняла свою нижнюю юбку и повернувшись к команде, показала на свой зад» или же шлёпнула себя по ягодицам, выкрикнув: “Blaes mij daer achterin!”[45] Чтобы дополнить такой образ миссис Янсен, другие свидетели рассказали, что она (по другому поводу) говорила: «Я долго была шлюхой для знати; отныне я буду шлюхой для черни!» Янсены проиграли это дело.

За этим последовали другие: боров Энтони убил чью-то собаку. Штраф остался невыплаченным. Он размахивал пистолетом. Были украдены дрова. Пьянство. Клевета. Ещё новые задолженности. О бытности Гритце служанкой в таверне в старом Амстердаме рассказывали непотребные истории. А в Новом Амстердаме «она вытаскивала у некоторых моряков рубахи из штанов, а ещё дома у себя измеряла мужские достоинства трёх моряков при помощи метлы». В конце концов, всё это оказалось чересчур даже для склонных к сутяжничеству колонистов, и всё хозяйство Янсенов (теперь включавшее и нескольких их дочерей) было изгнано с Манхэттена по вердикту суда.

По меркам нашего времени, они не уехали слишком далеко – всего лишь в Бруклин. Но в те времена Бруклин едва начинал своё существование, и они оказались первыми неиндейскими поселенцами в районе Грейвсенд (тогда – Новый Утрехт) будущего города. Энтони также владел участком на острове Кони-Айленд. Все свои земли он приобрёл у индейцев⁴. Его поместья называли «Плантацией Турка».

Спустя несколько лет Энтони снова принялся наведываться в Манхэттен и скоро также приобрёл там имущество. Его ферма процветала. Некоторые члены его семьи (уже тогда состоявшей из четырёх взрослых, вышедших замуж дочерей с детьми) поселились в Бруклине, другие – на Манхэттене, а у Энтони сохранялись интересы и там, и там. Эта неистовая парочка, Турок и трактирная служанка, по-видимому, стали несколько мягче в период их сельской жизни и отказались от некоторых из своих наиболее вопиющих пиратских манер. Постепенно они вошли в число уважаемых людей.

Возможно, тем не менее, не в число слишком уважаемого патрициата. Имя Энтони не исчезло из судебных хроник, хотя теперь большинство из разбирательств касались границ владений в Бруклине. Энтони был занят постоянными путешествиями по воде в суд на Манхэттене и обратно, однако теперь ему иногда удавалось выигрывать в тяжбах и делах.

Приблизительно в 1669 году Гритце скончалась в Грейвсенде, и пожилой уже Энтони женился вторично, на вдове из Манхэттена по имени Метье Геванрет. С ней он перебрался в манхэттенский дом на Бридж-стрит (который будет потом изображён в «Образах острова Манхэттен», изумительном собрании старых карт и городских видов). Конечно же, к этому времени Новый Амстердам перешёл в руки англичан и стал Нью-Йорком.

Возможно, Метье принадлежала к квакерам, и именно по её вине Энтони был приговорён судом к штрафу (в размере одной бобровой шкурки) за то, что они предоставили ночлег английскому квакеру в своём доме на Бридж-стрит (который периодически отдавали под гостиницу).

“ 16 апреля 1674 года. Письменное показание, данное под присягой, свидетельствует, что Сэмюэль Форман из Ойстер-бей прибыл в город, где получил приют в доме Энтони Янсена из Сале, и, вдохновлённый Иисусом Христом, решил проповедовать в [голландской] церкви во время богослужения и восклицать: «О, криком гнева я зальюсь, вся плоть – трава, трава же цветков полевой, цветков погибает и трава засыхает, слово же Господне пребудет вовеки». (Календарь исторических манускриптов в канцелярии секретаря штата (Олбани), XXIII/2/331.)

Это дело заставляет задуматься о религии Энтони Янсена. Он и его первая жена Гритце не славились своим благочестием и воцерковлённостью; похоже, что об Энтони думали, что он мусульманин, «Турок». Поскольку он вырос в Марокко, это выглядит достаточно вероятным. Позднее в своей жизни он, очевидно, стал приверженцем Нидерландской церкви и даже просил (безуспешно) прислать священника в Грейвсенд. Но в период своей юности Энтони мог испытывать влияние суфизма и грубого духа терпимости и радикализма, царившего среди ренегатов. Вместе со своей второй женой он также мог воспринимать и квакерские идеи. В данном контексте интересно отметить, что после 1643 года ближайшим соседом Янсенов в Бруклине была небольшая колония английских анабаптистов, которую возглавляла эксцентричная леди Дебора Муди, изгнанная за ересь из колонии Плимутского залива. Леди Муди дружила с губернатором Стёйвесантом, а Янсены были с ней в хороших отношениях.

С собой из Марокко Энтони привёз несколько ценных вещей: гравированный медный поднос и «чайник», а также экземпляр Корана. Он не умел читать ни по-голландски, ни по-английски, а свои показания и документы подписывал особым «знаком»:

Это знак, собственноручно начертанный ЭНТОНИ ЯНСЕНОМ ВАН ФЕСОМ

но, может быть, он умел писать по-арабски. Его Коран – возможно, самый первый в Новом Свете – переходил по наследству в семьях ван Сикленов и Гюликов, происходивших от Янсена, пока около 1886 года не был продан некоему Ричарду М. Джонсону «за пустяшную сумму». (Сам же Джонсон мог также быть одним из потомков Янсена, поскольку его семья поменяла свою фамилию в пользу такого более английского варианта.) Позднее Джонсон продал его старому торговцу-еврею в Трентоне, известному как Иерусалим. Сам Джонсон понятия не имел, что это была за книга, однако Иерусалим распознал её и предложил за неё 50 долларов. Увы, Джонсону удалось получить за неё лишь 25, так как торговец умер, не

успев совершить финальную выплату. Дальше этот Коран пропадает из виду и оказывается потерян для истории.

Свои последние годы Энтони Янсен ван Сале прожил на Бридж-стрит и умер в марте 1676 года. Его вторая жена пережила его на 10 лет, продолжая жить в том же доме до своей смерти⁵.

Слова «турок» и «мавр» в европейских языках XVII века не всегда использовались для обозначения жителей Турции и Северной Африки, иногда они служили синонимами понятию «мусульманин». (Так, испанцы называли мусульман Филиппин «маврами» – моро.) В этом смысле мы можем сказать, что в Нью-Йорке есть что-то «мавританское», и рассматривать рассказ об Энтони Янсене как первую главу в книге, которую можно озаглавить как «Тайная мавританская история Нью-Йорка». Эту книгу ещё только предстоит написать. Но ради блага каждого, кто может взяться за это дело, вот несколько глав, которые она может включать:

Хотя голландцы, вероятно, имели рабов из мавританской части Африки, они также принесли в Новый Амстердам образ «мавританского» пророка, а именно, одного из трёх библейских восточных царей-волхвов – Каспара, – изображавшегося чернолицым и в тюрбане на голландских рождественских сценках.

По всей видимости, Янсен не был первым пиратом, поселившимся в старом Нью-Йорке, и уж точно не был последним. При английском правлении этот город превратился в одно из крупнейших пиратских пристанищ – однако же отнюдь не в пиратскую утопию⁶. Сам Энтони успел увидеть рассвет широкомасштабного пиратства в Нью-Йорке, но к тому времени большинство пиратских экспедиций фокусировалось уже не на Средиземноморье, ни даже на Карибском море, а в Индийском океане. Мадагаскар и Малабарское побережье Индии кишели пиратами, у моголов захватывались крупные трофеи. Роль Нью-Йорка была в основном экономической: здесь планировались и отсюда финансировались экспедиции, здесь сбывали добычу. Благородные семейства Манхэттена, такие как Ливингстоны, были глубоко вовлечены в эти занятия. Катастрофа антипиратского рейда капитана Кидда в 1699 году вызвала страх и трепет в высоких кругах Нью-Йорка, и Кидда отослали в Лондон, чтобы его повешение стало жертвой политическим и финансовым интересам вигов.

В конце XVII и начале XVIII веков Нью-Йорк оказался затронут влиянием экзотических культур из Африки, Северной Африки, Мадагаскара и Индии. Множество малагасийских рабов окончили свои дни на Манхэттене. Их упоминают в документах о невольничье-индийско-ирландском восстании, произошедшем в городе на день св. Патрика в 1741 году. Насколько я знаю, им были посвящены лишь немногие исследования.

Америка сразу после завоевания независимости установила тесные отношения с Северной Африкой: Марокко стало её первым дипломатическим партнёром, а Триполи – первым врагом, с которым она вступила в войну. Уильям Рей, ньюйоркец, моряк военного флота США, был захвачен в плен корсарами из Триполи в 1803 году и позднее написал о своём плене настоящий блокбастер, книгу «Ужасы рабства» (1808). Рей скорее восхищался этим экзотическим и лихим врагом. Будучи радикальным вольнодумцем в духе Пейна и

Джефферсона, он приберёт свою самую острую критику для флота США и своей резкой риторикой вызвал скандал. Рей вышел в отставку и переехал в Оберн, деревушку в северной части штата, где стал поэтом и доморощенным философом.

Самый большой всплеск интереса к маврам в Нью-Йорке был вызван путешествием Вашингтона Ирвинга в Испанию, где он поддался чарам исчезнувшего великолепия. За его книгой «Легенды Альгамбры» (вероятно, первой американской книгой мирового значения) последовали «Жизнь Магомета» и другие исламофильские произведения. Компаньон и секретарь Ирвинга в его испанском путешествии, Джей Рэй Моулд, стал архитектором и сотрудничал с Фредериком Ло Олмстедом в создании Центрального Парка – Моулд спроектировал прелестную Мавританскую аркаду вокруг Центрального фонтана. Мавромания стала одной из важнейших тем американского романтизма – по крайней мере, в Нью-Йорке. Поэт, журналист, путешественник и любитель гашиша Бейард Тейлор совершал променады по Бродвею, облачившись в халат и тюрбан. Художник Фредерик Чёрч выстроил дворец в мавританском стиле под названием Олано в округе Колумбия с видами на Гудзон и Катскилл[46], присоединившись тем самым к люминизму, романтизму и ориентализму, чтобы участвовать в «Школе реки Гудзон»[47].

В 1850-е годы нью-йоркский художник, журналист и масон Альберт Роусон путешествовал по Востоку, где встретил юную и прекрасную Елену Блаватскую и начал с ней роман. Роусон был (он утверждал) принят бедуинами, его посвятили в свои тайны друзья, он имел связи с суфиями в Турции и встречался с великим алжирским шейхом и мистиком-суфием эмиром Абд аль-Кадиром, также принадлежавшим к масонам. Роусон и Блаватская экспериментировали с употреблением гашиша. После их возвращения в Нью-Йорк Блаватская основала Теософское общество (основывавшееся в основном на египетских мистериях), а Роусон стал основателем «Масонской знати мистического Святилища» – так называемых «святытников» (shriners). Замечательная хартия этого братства утверждает, что оно приняло полномочия от турецких масонов, великого шерифа Мекки и суфийского ордена бекташи.

В свою очередь, Роусон и Блаватская повлияли на выдающегося афроамериканского самоучку Паскаля Беверли Рэндольфа, использовавшего гашиш в духовных целях и утверждавшего, что он прошёл посвящение в сексуальную магию у сирийских нусайритов, крайней шиитской секты. Рэндольф распространял свои учения при помощи самоизданных памфлетов и заказываемых по почте инициаций.

Другим афроамериканцем, на которого оказали влияние Роусон и Блаватская, оказался Тимоти Дрю, бывший железнодорожный грузчик и цирковой иллюзионист, называвший себя Благородный Дрю Али и утверждавший, что получил инициацию в большой пирамиде Египта и полномочия от шерифа Мекки; он основал Мавританский научный храм Америки в Ньюарке, штат Нью-Джерси, в 1913 году. Многие из ритуалов Нобла Дрю были основаны на практиках Чёрных Святытников, ответвления от ордена Роусона, а также на основе написанной Дрю книги «Коран седьмого круга», содержащей большие выдержки из теософского трактата «Иисусово евангелие водолея».

Мавританская наука оказалась довольно популярной в Бруклине, и в настоящее время одна из располагающихся там площадей обветшавшего и запылённого преступниками жилого комплекса названа в честь Нобла Дрю. Энтони Янсен был первым мавром в Бруклине, но не последним. Первая суннитская мечеть в США занимает старое здание из бурого песчаника в Бруклине, на Грин-стрит, неподалёку от Атлантик-авеню, она была основана в 1920-х годах моряками из Йемена. Возможно, первыми афроамериканцами, ставшими её прихожанами, были те, кто сохранил старинные семейные традиции своих исламских предков. В наши дни в Бруклине мечетей уже множество, причём не только в старом «арабском» квартале у Атлантик-авеню. И у американского ислама есть свой собственный святой мученик, Малкольм Икс, чья жизнь оборвалась в Нью-Йорке.

Первое издание «Пиратских утопий» оказалось весьма популярной книгой. Она выиграла таинственную награду «Ром и содомия». Её перевели на венгерский (как мне говорили, очень изящно), также появилась и великолепная большая французская версия со множеством цветных иллюстраций. Я рад, что у меня есть возможность добавить эту главу о «Мавританском пирате в старом Нью-Йорке». Надеюсь, однажды я увижу эту книгу переведённой и изданной на арабском – Иншаллах!

Май 2003

Версия #1

Зверобой создал 7 августа 2025 06:15:42

Зверобой обновил 7 августа 2025 06:17:15